

УДК 101.1

**ОТРЕШЕННОСТЬ И ОСМЫСЛЯЮЩЕЕ МЫШЛЕНИЕ У ПОЗДНЕГО
МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА****Штембелюк Игорь Николаевич**

Санкт-Петербургский государственный университет.

Институт философии, магистр 2 курс.

Санкт-Петербург.

Mescaline11@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается понятие отрешенности у Хайдеггера через призму неоднозначной роли христианского мистицизма вообще, и в частности учения Майстера Экхарта. Обнаруживается новое понимание отрешенности, которое помогает человечеству выработать совершенно новое отношение к техническому прогрессу.

Ключевые слова: Хайдеггер; мышление; отрешенность; философия техники.

**RELEASEMENT AND COMPREHENDING THINKING IN THE LATE
MARTIN HEIDEGGER****Igor N. Shtembeliuk**

St. Petersburg State University

Institute of Philosophy

ABSTRACT

This article discusses the concept of releasement in Heidegger through the prism of the ambiguous role of Christian mysticism in general, and in particular the teachings of Meister Eckhart. A new understanding of releasement is being discovered, which helps humanity develop a completely new attitude towards technological progress.

Keywords: Heidegger; thinking; releasement; philosophy of technology.

Отрешенность как понятие, сохраненное традицией, обращает на себя внимание Хайдеггера в послевоенные годы, когда человечество оказалось в новой реальности атомного века, гонки вооружений и утраты уверенности в своём родовом бессмертии. Экспансия науки и техники как сущностных феноменов Нового времени разделили отношение к природе на производство, постав и «произведение». Это потребовало по-новому взглянуть на само мышление, перейти от метафизики к сущности метафизики.

«Конечно, мысль, которая пытается осмыслить роковую систему поставка, уже благодаря этой попытке выдвигается над собой, для неё открывается зазор, в котором только и можно разглядеть, что, собственно происходит. В таком мышлении действительно совершается “поворот”. Суть этого поворота – в новой позиции отрешенности» [3, с. 525].

В 1959 г. Хайдеггер сочиняет текст-триалог, в котором развёрнута беседа трёх человек: «ученого», «учителя» и «гуманитария». Темой их обсуждения является выяснение значения *Gelassenheit*, понятия, которое можно перевести как «невозмутимость» или «безмятежность». Оно произведено от глагола *gelassen*, буквальный перевод которого на русский язык звучит как «оставить» или «позволить быть». Этой работе предшествует известная речь 1955 г., произнесённая в честь юбилея композитора К. Крейцера – уроженца Месхирка, как и сам Хайдеггер, и озаглавленная просто «отрешенность». В ней Хайдеггер упоминает «отрешенность от вещей» (*Gelassenheit zu den Dingen*) вместе с «открытостью тайне». (*Offenheit für das Geheimnis*) как определённый путь обретения новой основы. Вспоминая термин *Gelassenheit*, мышление Хайдеггера словно создаёт резонансную преграду, от которой немецкий мистицизм может вновь отразиться долгим историческим эхом.

В разговоре между «ученым», «учеником» и «гуманитарием» речь идёт прежде всего о том, как мы вообще можем приблизиться к способу осмысления сущности человека. Учитель, который в этой троице собеседников, по-видимому, ближе всего к альтер эго Хайдеггера даёт нам понять, что такой вопрос требует от нас в какой-то мере способности отстраниться от самого человеческого субъекта. Отказ от общепринятого понимания сущности человека предполагает также отход от привычной концепции мышления, которое «понимаемо традиционное как представление, является особым рода хотением, волением, вот и Кант также понимает мышление, характеризуя его как самопроизвольность. Мыслить – значит хотеть, а хотеть – значит мыслить» [5, с. 112]. Таким образом, размышление о самой сущности мышления приводит к желанию нехотения. Приблизившись к желанию нехотения, мы всё ещё подвержены этому хотению, это ещё одно хотение, но в котором уже присутствует отрицание, тем самым это отрицание направлено на хотение и отказывается от него. Таким образом, говорит гуманитарий: «Нехотение означает – охотно отказываться от хотения. Кроме того, выражение не-хотение означает нечто, что остаётся совершенно за пределами любой воли» [5, с. 113]. Учитель признаёт, что нехотение никогда не может быть достигнуто волением, необходимо отучиться от хотения, чтобы можно было пробудить отрешенность, однако отрешенность нельзя так легко пробудить внутри себя, поскольку «причина отрешенности приходит откуда-то извне», и «отрешенность пробуждается, когда нашей сущности позволено вступить в нечто, что не есть хотение» [5, с. 114].

Затем Хайдеггер позволяет трём участникам разговора продвигаться к пониманию отрешенности как такому нечто, что лежит за пределами области воли, но при этом не позволяет себя понимать в терминах пассивности, противопоставленной активности. Скорее «отрешенность лежит <...> за пределами различения активности и пассивности» [5, с. 114]. По этой причине отрешенность и не может принадлежать к области воли.

По мнению «гуманитария» сущность отрешенности сокрыта от нас прежде всего от того, что «отрешенность продолжают мыслить в пределах воли, - как это происходит у старых мастеров мышления, например, у Майстера Экхарта» [5, с. 114]. В этом фрагменте мышление Хайдеггера явно воссоединяется с замыслом немецкого средневекового мистика Майстера Экхарта, одновременно сигнализируя о том, что христианско-метафизические рамки его мышления остаются чем-то, к чему мы должны относиться критически. Тем не менее, «учитель» признаёт, что можно много научиться у Экхарта. Как писал об этом сам Хайдеггер: «то, что мы назвали отрешенностью, всё же, по-видимому, не означает

отбрасывания греховного себялюбия и отказа от собственной воли ради воли Божьей» [5, с. 115]. В этих нескольких предложениях Хайдеггер ясно даёт понять, что он рассматривает Экхарта и всю христианскую мистику как частично захваченные той же самой метафизикой воли, которую он исследовал в своих всесторонних критических прочтениях немецкого идеализма и Ницше в предшествующие годы. Для него она не вполне отличается от нигилистической воли к власти, которая, по его мнению, сформировала современную мысль и привела к господству техники и забвению бытия, и, следовательно, не представляет собой очевидной силы противодействия ей. Иными словами, Майстер Экхарт представлен в диалоге как источник вдохновения, но также и с целью показать, что речь идёт о новом мышлении по отношению к традиции.

Таким образом, если для Экхарта отрешенность прежде всего касается отношения, в котором люди могут стать наиболее восприимчивы к Богу, то для Хайдеггера это явно вопрос этоса мышления и, возможно, даже его этики. Отрешенность для Хайдеггера не есть нечто, лежащее за пределами мышления и действия разума, наоборот, отрешенность обозначает преобразованную практику разума, упражнение в другом типе мышления. Этот тип мышления раскрывает себя не как концептуализацию, репрезентацию или манипуляцию, а скорее, как открытость тому, что способно раскрыть себя. Он включает в себя, как подчеркивается в тексте Хайдеггера, способность к ожиданию, в котором мы открываем себя для того, что ожидается. В конечном итоге, мышление достигнет точки, в которой поймёт себя, исходя не из самого себя или своего ожидания, а из «своего другого».

Важно, что в разговоре именно «учёный» впоследствии добавляет, что при таком понимании мышления как освобождения от воли речь не идёт о «апатичном и жизнеотрицающем позволении чего бы то ни было». Скорее, это означает создание новых концепций для осмысления отношения людей к истине и к бытию.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса относительно осмысляющего мышления, необходимо добавить несколько предварительных замечаний, а именно, вопрос об отношении Хайдеггера к мистицизму и, в частности, к немецкой мистической традиции можно рассматривать со многих точек зрения. Нам известно, что с самого начала творчество Хайдеггера проявляло определенный интерес к религии, первые философские статьи немецкого философа были опубликованы в католическом журнале «Академик». По словам И.А. Михайлова, ранние работы Хайдеггера говорят о том, что «их автор – человек глубоко религиозный» [2, с. 48]. Важно отметить, несмотря на изначальный интерес к религии, всё-таки принято считать, что Хайдеггер начинает интересоваться немецкой мистикой в более поздний период его творчества, начиная с 1930 г. Более того, на раннем этапе своей карьеры, Мартин Хайдеггер намеревался прочитать лекционный курс по теме «философские основы средневековой мистики», главным образом акцентируя внимание на учении Майстера Экхарта. К нашему сожалению, запланированный курс не состоялся, остался только конспект, отдаленно напоминающий оглавление книги, нежели полноценные заметки по курсу. Углубившись немного в более ранние годы Хайдеггера, мы можем не удивляться тому, почему в сочинении немецкого философа появляется понятие отрешенность, да и вообще немецкий средневековый мистицизм.

Мы переходим к другому важному тексту Хайдеггера, этот текст позволяет нам понять, что подразумевает философ под осмысляющим мышлением, и почему он призывает людей приобщиться к этому типу мышления. В речи по случаю сто семьдесят пятой годовщины со дня рождения композитора Конрадина Крейцера (1780 – 1849), Хайдеггер размышляет о болезнях настоящего времени, вступая как диагност современности. Сокрушаясь, Хайдеггер замечает, что люди сегодня стали бедны мыслью, они слишком быстро становятся бездумными, и «бездумность – зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире» [4, с. 103]. Объясняется это тем, что познание в

наше время добывается чрезмерно легко, нет необходимости совершать над собой определенные усилия: что-то узнав сегодня, узнанное без труда ты завтра забудешь, знание не остаётся вместе с человеком, оно быстро испаряется. Однако, отмечает Хайдеггер, не смотря на присущую людям бездумность, способность мыслить всё-таки не утрачивается, так «в бездумности мы оставляем способность мыслить невозделанной, под паром» [4, с. 103]. В данном фрагменте можно проследить неявную отсылку к учению Экхарта, когда рейнский мистик говорил, что семя забрасывают землёй, оно всё-таки не исчезает бесследно, но словно находится в состоянии ожидания, когда вновь сможет раскрыться миру, поскольку «Сам Бог это семя посеял, вдавил и родил, оно может совсем укрыться и спрятаться, но никогда истребится и заглохнуть в себе; оно светится и блестит, сияет и пламенеет и непрерывно тянется к Богу» [1, с. 68].

Хайдеггер уточняет, что лежать под паром может то, что способно стать почвой для роста, например пашня, и в качестве противоположного примера, упоминается автострада, на которой ничего не способно расти, как и лежать под паром. Мы можем потерять что-то, если ранее обладали этим чем-то, но и «можем стать бедными мыслями и даже бездумными лишь потому, что в самой основе своего бытия человек обладает способностью к мышлению» [4, с. 103]. Современный человек, по мнению Хайдеггера, подвержен бездумности, проистекающей из болезни, и более того, человек пытается спастись бегством от мышления, и «это бегство от мышления и есть основа для бездумности» [4, с. 103].

Хайдеггер выделяет два типа мышления, одно он называет «осмысляющим», а другое «вычисляющим», причём, как говорил Хайдеггер «существование каждого из них оправдано и необходимо для определённых целей» [4, с. 104]. Постараемся более подробно рассмотреть специфику этих двух типов мышления. Итак, специфичность калькулирующего мышления состоит в том, что человек всегда заранее что-то планирует, исследует, пытается наладить какое-то производство, и всегда считается с данными условиями, и «это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует» [4, с. 104]. Хайдеггер утверждает, что такое мышление всегда будет калькуляцией, даже в том случае, когда не используются цифры, или технические средства для вычисления. Вычисляющее мышление всегда стремительно бежит за всё новыми и новыми смыслами, и оно не в состоянии успокоиться, остановить этот безумный бесконечный бег. Тем самым, в такой погоне за созданием, обнаружением всё новых идей, вычисляющее мышление оказывается не способным задуматься о смысле самих этих идей.

Второй вид мышления, Хайдеггер называет, осмысляющим или же чистым мышлением, оно как бы есть полная противоположность калькулирующему мышлению, и на первый взгляд может показаться, что это мышление довольно абстрактно, а стало быть, практической пользы от него не так много. Но скорее оно представлено как нечто скрытое в каждом из нас в нашей склонности наблюдать то, что принадлежит нам. В отличие от вычислительного мышления, осмысляющее мышление требует более усиленной подготовки и практики, без определенной сноровки к этому типу мышления не подойти.

Продолжая свою речь, Хайдеггер цитирует поэта Иогана Гебела, который однажды сказал: «Мы растения, которые – хотим ли мы осознать это или нет – должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды» [4, с. 105]. Затем в присутствии жителей города Мескирха, Хайдеггер продолжает печальный рассказ о современном состоянии Германии, в которой бесчисленное множество людей потеряли свои корни, одни были изгнаны из своих родных домов, другие всё ещё живут на своих местах. В этом отношении – безродность – не просто потеря дома, а нечто более серьёзное и важное, это затруднительное положение, определяющее век технологий и их вездесущую опосредованную реальность. Наш век, заключает Хайдеггер, неизбежно порождает беспочвенность и безродность.

Хайдеггер проявляет оригинальность, разыскивая в имплицитном диалоге с основополагающими понятиями христианского мистицизма способ противостоять судьбе современности. Он подчёркивает, что наступившая эпоха – атомный век, в котором отношение человечества и природы коренным образом перестраивается, поскольку мир превращается в ресурс для извлечения энергии. И более того эпоха, в которую «природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности» [4, с. 107]. Сегодня технологии стали определять отношение человека к бытию, которые приобретают свои метафизические свойства как объект расчёта и эксплуатации. В развитии биологии и химии он также видит начало новой эры, которую удачно резюмирует слова американского химика Стэнли, лауреата Нобелевской премии по химии: «Близок час, когда жизнь окажется в руках химика, который сможет синтезировать, расщеплять и изменять по своему желанию субстанции жизни» [4, с. 108]. Люди теперь становятся инструментами своих собственных действий, пойманные в ловушку своего увлечения технологическим прогрессом.

Оказавшись в этой непростой ситуации, задача мышления состоит в том, чтобы найти освобождающую позицию, позволив технологическим устройствам быть, развиваться, но при этом, не позволяя им оказывать влияние на саму нашу сущность. Хайдеггер предполагает испытать осмысляющее мышление, утверждая, что все аппараты, машины технического мира необходимы людям, и было бы довольно недальновидно отказываться от мира техники, и более того, «проклинать их как орудие дьявола» [4, с. 109]. Хайдеггер признаёт, что мы зависимы от технических приспособлений, но предостерегает от того, чтобы попасть к ним в рабство.

Мы должны сосуществовать с техникой, но при этом не зависеть от неё, поскольку техника в действительности не имеет никакого отношения к самой сущности человека. Хайдеггер пишет, что «мы можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность» [4, с. 109]. Если мы сможем сказать одновременно «да» и «нет», то может показаться, что возникает ситуация неопределенности, однако не стоит поддаваться ложному мнению. Дело не в чистой неопределенности, а в обретении состояния простоты и спокойствия. Впустив технические приспособления в нашу жизнь, мы должны их в то же время оставить снаружи, оставить их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Такое отношение к технологиям, сказанное им одновременно «да» и «нет» Хайдеггер называет «отрешенностью от вещей» [4, с. 110].

Отношение «да» и «нет» к миру техники позволяет человеку приблизиться к пониманию, что использование средств технического прогресса требует от человека совершенно иного отношения к вещам, которое уже бессмысленно, по словам Хайдеггера. Несмотря на глубочайшее изменение, происходящее как в отношении человека, так и в отношении природы и мира в целом, смысл этого изменения по-прежнему остаётся нераскрытым. Как говорил Хайдеггер, «во всех технических процессах господствует смысл, который располагает всеми человеческими поступками и поведением, и не человек выдумал или создал этот смысл» [4, с. 110]. Тем самым, Хайдеггер подводит нас к мысли о том, что сам же смысл мира техники скрыт от нас.

Хайдеггер предлагает изменить своё отношение к сокрытому смыслу техники. Необходимо осознать, что этот сокрытый смысл окружает нас, и в таком случае, мы «окажемся внутри области, которая и прячется от нас, и, прячась, выходит к нам» [4, с. 110]. Отрешенность от вещей и открытость для тайны необходимы человечеству, именно благодаря такому отношению к миру, мы сможем жить совершенно иначе, совершенно не опасаясь угрозы исходящей от мира техники. Важно отметить, что по мнению Хайдеггера,

отрешенность от вещей и открытость для тайны никогда не придут к человечеству сами по себе, и «они не выпадут на нашу долю случайно» [4, с. 111]. Их появление возможно лишь при неустанном и решительном мышлении.

Хайдеггер завершает свою речь словами о том, что если мы приблизимся к такому отношению к миру техники, и сможем отрешиться от вещей, сможем быть открытыми для тайны, тогда мы выйдем в путь «который ведёт нас к новой почве для коренения и стояния» [4, с. 111].

Отношение «отрешенности» и «открытости тайне» очень сильно перекликаются с темами великого рейнского мистика Майстера Экхарта, и это стало возможным и востребованным благодаря тому, что сама современность, сконцентрированная в технологической рациональности, требует, чтобы мышление нашло отношение, позволяющее ему созерцать и переживать то, частью чего оно само уже является. Таким образом, можно сказать, что Хайдеггер в своей речь вновь актуализирует несколько позабытую мысль Экхарта, как направление для раздумий о современном положении дел человека.

Список литературы:

1. Майстер Экхарт. Трактаты. Проповеди. М.: Наука, 2010. – С. 443
2. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. – М.: «Прогресс-Традиция» / «Дом интеллектуальной книги», 1999. 48 с
3. Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005. – 614 с.
4. Хайдеггер М. Отрешенность. // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. – С. 102-111.
5. Хайдеггер М. Из разговора на проселочной дороге о мышлении. // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. – С. 112 – 133.

References:

1. Maister Ėkkhart. Traktaty. Propovedi. M.: Nauka, 2010. – S. 443
2. Mikhailov I.A. Rannii Khaidegger: mezhdru fenomenologii i filosofiei zhizni. – M.: «Progress-Traditsiia» / «Dom intellektual'noi knigi», 1999. S. 48
3. Safranski R. Khaidegger: Germanskii master i ego vremia. M.: Molodaya gvardiia, 2005. – 614 s.
4. Khaidegger M. Otreshennost'. // Khaidegger M. Razgovor na proselochnoi doroge. M.: Vysshiaia shkola, 1991. – S. 102 – 111
5. Khaidegger M. Iz razgovora na proselochnoi doroge o myshlenii. // Khaidegger M. Razgovor na proselochnoi doroge. M.: Vysshiaia shkola, 1991. – S. 112 - 133